№ 5.

Восточно-Сибирская Библиотека.
Серия научно-популярная.
Отдел исторический.

№ 5

Вл. Гирченко.

Из истории переселения в Прибайкалье старообрядцев—семейских.

Книгоиздательство
Об'единенного Прибайкальск. Союза Кооперативов
г. Верхнеудинск.

Из истории переселения в Прибайкалье старообрядцев-семейских.

Около половины 18-го века в истории колонизации Прибайкалья произошел крупный перелом. Слабая до того времени колонизационная струя сменилась мощным потоком в виде переселения в Прибайкалье старообрядцев—„семейских“, составивших в крае основное ядро пашенного крестьянства—одной из трех главных категорий местного населения (крестьяне, казаки, инородцы)

Но многие стороны этого переселения очень слабо освещены документальными данными и обычно излагаются на основании имеющихся в литературе „преданий“, которые—в большинстве случаев—не будучи подкреплены соответствующими „писаниями“, не могут быть положены в основу исторического изучения, так как нет возможности установить степень их достоверности.

Правда, некоторые данные, относящиеся к истории Забайкальских старообрядцев, получены и помимо обращения к архивным документам. Так, профессор Иркутского государственного университета А. М. Селищев на основании изучения особенностей разговорного наречия (говора) семейских и их быта установил те районы, в которых предки семейских жили до переселения их в Польшу.

Но круг вопросов, которые могут быть изучаемы при помощи такого метода, слишком ограничен. Поэтому в общем и целом процесс колонизации семейскими Прибайкалья, не будучи освещен документальными данными, представляется смутным и неясным.

Однако, благодаря тому, что в архивах Прибайкалья сохранились документы, восходящие как раз к началу второй половины 18-го века, является возможность привести некоторые, содержащиеся в этих документах, сведения относительно переселения семейских в Прибайкалье и их хозяйственного и административного устройства на новых местах. Это и является целью настоящей статьи.

I.

Те научно доказанные положения, которые устанавливает относительно Забайкальских старообрядцев, на основании изучения их языка, быта и письменности, профессор Селищев (в своей книге „Забайкальские старообрядцы—семейские“. издание Иркутского государственного университета. Ирк. 1920) сводятся в главных чертах к следующему. Предки Прибайкальских семейских, вместе с предками тех старообрядцев, которые живут в настоящее время на Дону и в Добрудже, жили до „никонианских нововводств“ в местностях, близких одна к другой, входили в состав одной этнической и диалектической группы,—южно-великорусской,—в области к югу от Москвы, в пределах нынешних Тульской, Орловской, Калужской и южной части Рязанской губерний.

Гонения на раскол при Алексее Михайловиче и при Петре 1-м заставили часть этого населения бежать за-границу, в Польшу. Там эти беженцы поселились в северной части нынешней Черниговской губернии,—в Стародубье, и в соседнем крае Могилевской губернии—в Ветке. В начале второй половины 18-го века поселившиеся в Польше старообрядцы начали переселяться в Сибирь, частью на Алтай, частью в Прибайкалье.

Такова твердо установленная основа первоначального периода истории „семейщины“. Но события и факты последующего времени, из которых сложился живой процесс этого переселения и устройства переселенцев на новых местах, сохранились только в виде преданий позднейших поколений, и потому являются неотчетливыми и во многих случаях противоречивыми.

„Когда поселились старообрядцы в Забайкалье?“—ставит вопрос профессор Селищев и отвечает на него так:—„По сообщению Иркутского летописца в декабре 1756 г. они добрались до Иркутска:—„Сего (1756) года пришли в Иркутск польские старообрядцы для поселения за Байкалом. Их сопровождал подполковник Иванов. (Иркут. летопись. Ирк. 1911. 75).

Иным годом, более ранним определяет приход семейских в Забайкалье декабрист Розен. В селе Десятникове, по пути из Читы в Петровский завод, 1830 года декабристы встретили „110 летнего бодрого старца, который прибыл сюда в числе первых семейских изгнанников в царствование имп. Анны Ивановны в 1733 г.; ему было тогда 30 лет от роду; он хорошо помнил обстоятельства дальнего переселения и первоначального устройства“. (Зап. Розена, 413). „Но в этих цифрах есть противоречие“, говорит профессор Селищев: „если переселение было в 1733 году, то сообщавшему было тогда лет 12, а если ему было тогда около 30 лет, то переселение происходило позднее. Вернее, что старик призабыл год переселения (если это не добавление Розена), а не свой возраст, и следовательно это переселение относилось к 50 м годам 18-го века. С этой датой согласуется и Иркутская летопись. Были переселения старообрядцев и в последующие годы: в 1768 и

в 1780 г.г. В 1765 году было издано распоряжение об отсылке в Сибирь недобровольно возвращающихся из Польши и Литвы беглецов" [1]).

Таким образом по данному вопросу не имеется источников более надежных, в смысле их достоверности, чем сведения, приведенные профессором Селищевым. Историческому изучению приходится в этом случае удовольствоваться тем, что есть, и отметить, как несомненный, тот факт, что переселение старообрядцев в Сибирь совершалось в течение целого ряда лет, причем переселенцы были сгруппированы в несколько партий, переселявшихся в разное время.

На другой вопрос, относящийся к истории переселения старообрядцев,—было ли это переселение добровольным или принудительным,—профессор Селищев отвечает так: „Выселение старообрядцев из Ветки и из близких к ней местностей было недобровольное". В доказательство этого положения профессор указывает на приведенный в книге С. В. Максимова „Сибирь и каторга" (ч. I. 353) рассказ семейских Максимову о поселении в Забайкалье, а также сообщает следующие сведения: „Для добровольного исхода из Ветки, славной и богатой в то время, не было никаких оснований. В конце 17-го и в первой половине 18-го века Стародубье, а затем Ветка представляли духовный центр старообрядчества, метрополию его. „Гонению в Великороссии на староверцы належащу, мнози оставляюще своя отечества течаху во оная на Ветке прославляемая места". Сюда же и позднее стекались для поучения и молитвы старообрядцы со всех сторон России. Экономическое состояние Стародубья и Ветки было на очень высокой ступени. Но с 30-х г г. 18 века Ветка подвергается разгрому со стороны русских властей, желавших задушить цветущее сосредоточие старообрядства и выгнать ревнителей „древляго благочестия" в Россию. Известны выгонки 1735 и 1764 г.г.

„Дождалися мы жестокой зимы:
„Выгнали всех без всякой вины,—

вспоминает духовный стих о разорении старообрядческого Лаврентьева монастыря близь Гомеля. В одну из таких выгонок попали и предки Алтайских и Забайкальских старообрядцев" [2]).

Таким образом профессор Селищев разделяет единственно существующее в литературе мнение, что переселение старообрядцев за Байкал было недобровольным, что они туда были сосланы за раскол. Необходимо заметить, что этот взгляд держится и среди потомков тех старообрядцев, которые в 18 веке переселились в Прибайкалье.

Однако факты внутренней политики начала царствования Екатерины II и сохранившиеся архивные материалы представляют дело в ином виде.

Переселение за Байкал старообрядцев стояло в тесной связи с принятым правительством Екатерины II курсом политики по отношению к окраинам государства. Этот курс заключался в стремлении колонизовать огромные незаселенные пространства на окраинах тогдашней Европейской России и в Сибири.

Так как колонистов из центральной России для этой цели было далеко недостаточно, то правительство обратилось к заграничному колонизационному материалу—к южным славянам, грекам, армянам, немцам, а также к русским старообрядцам, бежавшим ранее от религиозных преследований правительства за-границу, главным образом в Польшу.

В самый год вступления на престол Екатерина II манифестом пригласила бежавших заграницу старообрядцев возвратиться в Россию и селиться в Приволжье и в Сибири.

„Всем живущим за границею Российским раскольникам", говорилось в указе Сената от 14 декабря 1762 года „об'явить, что им позволяется выходить и селиться особливыми слободами не только в Сибири, на Барабинской степи и других порожних и отдаленных местах, но и в Воронежской, Белогородской и Казанской губерниях.... Сим указом подтверждается, что им, возвращающимся из за-границы раскольникам ...никому ни от кого никакого притеснения чинено не будет, а сверх того 1) что они в рассуждении добровольного их выхода не токмо за побеги в винах их, но и во всех до сего преступлениях.....прощаются и отнюдь ничем истязаны не будут; 2) как в бритье бород, так и в ношении указного платья никакого принуждения им чинено не будет, но оное употреблять на месте, по их обыкновению, безпрепятственно, и 3) дается каждому на волю, к помещикам ли своим кто итти пожелает или государственными крестьянами или в купечество записаться, а против желания никто приневолен быть не имеет, и только должны они платить такой раскольнический оклад, какой и прочие здешние раскольники платят... 4) с начала выхода их раскольников при поселении каждому дается от всяких податей и работ льготы на шесть лет... По прибытии их в определенные места в поселении ни от кого никакого препятствия не было-б, показывано-б было им при том

[1]) Селищев, назв. соч. 72.
[2]) Селищев, наз. соч. 73.

новом поселении все удобь возможное вспоможение,—о том по всем губерниям и воеводам указами из Сената накрепко подтверждено и повелено" [3]).

Таким образом, приведенным указом устанавливается документально, что переселение в пределы России жевших за-границею старообрядцев после 1762 года совершалось в большинстве случаев добровольно.

Возможно, конечно, допустить, что до указанного года были случаи ссылки в Забайкалье за раскол отдельных старообрядческих семейств, но массовое переселение их туда относится, несомненно, к Екатерининской эпохе и было добровольным в порядке указа 1762 года. Что Забайкальские старообрядцы относились к разряду „льготников", а не ссыльных, видно из того, что при водворении на новых местах в Прибайкалье, они пользовались, как это будет указано ниже, установленной указом 1762 года шести летней льготой „от всяких податей и работ".

Кроме того вся обстановка, в которой происходило это переселение и водворение Забайкальских старообрядцев и которая будет выяснена ниже, говорит за то, что правительство рассматривало переселявшихся не как ссыльных, а как ценный колонизационный элемент, которому, как таковому, оказывалось „все удобь возможное вспоможение".

Для уяснения условий, среди которых происходило водворение старообрядцев за Байкалом, необходимо остановиться на положении хлебопашества в Прибайкальском крае, как оно сложилось к 60-м годам 18-го века.

Одним из насущных сибирских вопросов того времени был вопрос продовольственный. Население Сибири увеличивалось как путем естественного прироста, так и посредством колонизации из Европейской России, а также благодаря формированию на сибирских окраинах военных сил для защиты внешних границ государства. Поэтому была настоятельная необходимость в расширении местного хлебопашества; расчитывать на получение продовольствия, в особенности для Восточно-Сибирского населения, из Европейской России было нельзя, ввиду ее отдаленности и плохого состояния путей сообщения. Начиная с 17-го века правительство переселяло в Сибирь пашенных крестьян, садило на сибирские земли ссыльных, а в целях увеличения в Сибири посевной площади организовало там и казенное хлебопашество в виде так называемой „десятинной пашни", сущность которой заключалась в том, что садившийся на землю обязывался, в точном количественном соответствии с размером того земельного участка, который он пахал на себя („собинная пашня", „своя пахата") обрабатывать установленное количество казенной, „государевой", пашни.

Но на протяжении первой половины 18-го века „десятинная пашня" была в большинстве случаев заменена в Забайкалье взносом в казну так называемого „оброчного провианта" или „отсыпного хлеба", т. е. известного количества хлеба с каждой посевной десятины. По своей идее „оброчный провиант" 18-го века аналогичен тому продовольственному натуральному налогу, который введен в настоящее время как в Советской так и в Дальне Восточной Республиках. Для правительства 18 го века, которому приходилось на окраинах снабжать продовольствием войска и служилый класс, а иногда и все население, единственно целесообразным земельным налогом был налог натуральный.

Однако в 50-х и начале 60-х годов 18-го века в Сибири вообще и в Забайкалье в частности, по инициативе тогдашнего сибирского губернатора Соймонова возрождается вновь десятинная пашня, т. е. казенное хлебопашество. Вместе с тем по отношению к Прибайкалью ставится вопрос о колонизации долины реки Хилка, притока реки Селенги. Указом 12 сентября 1760 года по предложению того же Соймонова Сенат разрешил разверстать и определить на казенную пашню пашенных и оброчных (вносивших оброчный провиант) крестьян в Селенгинском ведомстве, как это было сделано уже в ведомствах Тобольском и Нерчинском, так, чтобы действительный работник пахал по одной десятине ржи и столько же ярового, а оброчный провиант с них снять; при этом тех, которые живут отдельными дворами („однодворками") переселить, предварительно приготовив землю, на свободные места „по Хилку реке, на проезжих местах, для той пользы, что по оному Хилку водяныя между Селенгинском и Нерчинском коммуникации (т е. сообщения В. Г.) обыскались и доброта земель за равное с Нерчинским уездом почитается" [4]).

Так как местного колонизационного материала было мало, то—вполне естественно—явилась мысль колонизовать долину Хилка, а также Чикоя старообрядцами, переселявшимися из Польши. Указами 1763 и 1764 г.г. предписывалось о поселении на пашню в Нерчинском и Селенгинском уездах тех вывозимых из Польши русских крестьян, которые окажутся негодными для

---

[3]) Архив Троицкого Селенгинского монастыря 1765 г..

[4]) Полн. собр. зак. № 11101.

зачисления во вновь формируемые в Сибири пешие и конные полки.

Так как водворением в Прибайкалье „польских поселыщиков", как назывались в официальных документах переселявшиеся старообрядцы, заведывала та же администрация, которая ведала и казенное хлебопашество, приведем некоторые сведения, характеризующие постановку „пашенного дела" в Прибайкалье того времени. Сведения эти почерпнуты из документов сохранившихся архивов Прибайкалья, в особенности из двух книг „дел" за 1767 и 1769 годы.

Прежде всего следует отметить, что заведывание сельским хозяйством Прибайкалья находилось в руках местных *военных* властей. Казенным десятинным хлебопашеством в Селенгинском дистрикте (уезде), обнимавшем в то время все Прибайкалье, заведывал Селенгинский комендант генерал-майор Варфоломей Якобий, а „для смотрения во всем Селенгинском ведомстве у государственных крестьян посевного на казенных десятинных пашнях хлеба" были назначены нижние воинские чины и казаки, которые и находились „у надзирания крестьян" и назывались на официальном языке „смотрителями" или „государственных крестьян надзирателями".

Но казенная запашка, о насаждении которой так заботился Сибирский губернатор Соймонов, просуществовала в Прибайкалье недолго. Оказалось, что она обременительна для крестьян, а с другой стороны она не доставляла казне того количества хлеба, которое от нее ожидалось.

Поэтому—как раз в тот период, когда происходило переселение за Байкал „семейских"—казенная пашня в Прибайкалье была упразднена. Крестьяне-старожилы, равно как и новые "польские поселыщики" должны были вместо того, чтобы пахать казенную пашню,—вносить в казну „оброчный провиант". Этот натуральный налог получил большое распространение: его должны были платить лица всех сословий, пользовавшиеся казенными землями.

Но и после этой отмены „десятинной пашни" управление местным сельским хозяйством продолжало по прежнему оставаться в руках военных властей. Соответственно этому и главное руководство устройством в Прибайкалье переселявшихся из Польши старообрядцев было поручено высшему представителю военной власти в Прибайкалье генералу Якобию, который ранее, как мы знаем, заведывал местным казенным хлебопашеством

Еще до отмены казенного хлебопашества Якобию сенатским указом 1764 года предписывалось «во умножении хлебопашества прилагать всеусердное старание, да и не одного того наблюдать только, чтоб казенное хлебопашество соблюдено было, но и обывателей к размножению собственного их хлебопашества поощрять, а ленивых и нерадивых о своем добре полезными увещаниями к тому приводить" [5]). Во исполнение этого указа Якобием, как он сам доносил, „чрез разные изобретательные средства изыскиваемы были способы в приумножении пашна".

Ближайшие задачи местной администрации сводились к тому, чтобы 1) „приводимых из Польши поселыщиков можно-б было поселить в способных и выгодных местах"; 2) „другие туньо (т. е. без платежа в казну. В. Г.)землями не владели и не интересовались".

Для водворения в Прибайкалье „польских поселыщиков" и устройства их быта создано было 1 марта 1766 года в Селенгинске, тогдашнем административном и хозяйственном центре Прибайкалья, особое учреждение—„Хлебопашеств и поселения контора". Во главе конторы, на которую возложены были водворение переселенцев, а также местное управление земледелием и землеустройством, стоял „Присутствующий". На эту должность был назначен плац-майор Селенгинского гарнизона Налабордин. Но высшее руководство всеми указанными делами оставалось за Якобием.

Поселению семейских за Байкалом предшествовала работа местной администрации по заготовке земельного фонда для переселенцев, по приведению в известность вообще местных казенных земель и по регулированию правил наделения землею и условий землепользования.

Первые прибывшие партии старообрядцев (время прибытия их за Байкал остается не установленным документально) были поселены на „порозже приисканных местах" близь селений Урлука и Байхора [6]).

Доступные нам документы относятся к поселению за Байкалом партий старообрядцев, прибывших туда в начале 1767 года. Так как водворение старообрядцев в Прибайкалье производилось в общем по одинаковому плану, то сведения о поселении партий 1767 года дают вообще представление о том, как переселялись и устраивались на новых местах предки нынешних старообрядцев Прибайкалья.

Партии 1767 года были поселены в бассейне р. Хилка. Расселение их здесь происходило по плану, составленному геодезии подпоручиком Федоровым, который, будучи командирован Селенгинской „Конторой хлебопашеств и поселения" на Хилок „для

[5]) Дело 1769 г., л. 579.
[6]) Дело 1767 г., л. 61.

прииску и описания порозже лежащих з мель", установил там „к поселенью и па хоте годных порозже лежащих и у обыва г елей излишно против надлежащего числа имеющихся земель, также и покосов, немалое число, на которых местах гораздо более полуторых сот семей поселиться может".

Таким образом колонизационное значение Хилокского района, подчеркнутое в цитированном выше указе 1760 года, было подтверждено путем специального обследования.

Впрочем, к 1767 году свободные для населения места оставались еще и „при Урлукском хлебопашестве", но Якобий „признал за способное" поселить всех, прибывших в 1767 году, по Хилку.

Только что приведенные сведения, равно как и данные о численном составе партий 1767 года и об условиях их устройства на новых местах содержатся в „ордере" Якобия плац-майору Налабордину от 11 января 1767 года, № 29 [7]).

Партии старообрядцев, прибывшие за Байкал в указанном году, шли от Тобольска к месту назначения при ротах Селенгинского пехотного полка: при 6-й роте следовало посельщиков с женами и детьми—387 человек, при 7-й роте—379 чел., при 8-й роте—70 чел., при 9-й роте—208 чел., итого 1344 человека, что составляло, считая на одну семью в среднем по 10 человек, (применительно к численному составу прежних партий, приведенных „в команде" майора Зайцева и подпоручика Кожина)—приблизительно 135 семей [8]).

В целях снабжения переселенцев семенным и продовольственным хлебом геодезии подпоручик Федоров наметил устройство провиантских складов в 6-ти пунктах—при деревнях: Еланской, Троицком поселье, (вероятно, с. Буйское, которое в 18 веке Воставляло вотчину Троицкого монастыря. сл. Г.), Сохатое, Кокунской, Мухор-Шибирской и Хонхолойской.

Семенного хлеба для 135 семей надлежало запасти: по 36 пудов на семью—4860 пудов, ячменя по 18 пудов—2430 пудов, овса тоже по 18 пудов—2430 пудов, семени конопляного по 3 пуда—405 пуд. Продовольственного хлеба („провианта") „ежели положить в десяти семьях получающих 50 человек по целому пайку, а других 50 по половине", следовало запасти на год для 135 семей 22013 пудов 5 фунтов [9]).

Для снабжения переселенцев семенным материалом и провиантом было решено использовать те запасы, которые ожидались к получению от урожая предыдущего 1766 года на казенном десятинном хлебопашестве, а также остатки предшествующих лет. Были затребованы соответствующие сведения от надзирателей десятинного хлебопашества различных районов Прибайкалья („верховых и низовых мест"). Из донесений этих надзирателей (прапорщика Сахаитуева, сержанта Антонова, толмача Шарина, пятидесятника Надеина, дворянина Холшевникова, десятника Мурзина) выяснилось, что даже в том случае, если переселенцам передать все имеющиеся в заведывании надзирателей хлебные запасы, то все же не хватит для продовольственного обеспечения переселенцев 7687 пудов 22 фунта [10]).

Относительно способов покрытия этого продовольственного дефицита Якобий высказал в своем „ордере" такие соображения: „уповать надобно, что по умолоте против опытов и прежних вымолотов немалому числу в прибыли быть... или не имеется-ль

---

[7]) Дело 1767 г., л.л. 61—66.

[8]) Проводимый в официальных документах, расчет на семьи подтверждает, по нашему мнению, общепринятое в литературе об'яснение названия «семейские» тем, что старообрядцы переселялись за Байкал *с семьями*. Профессор Селищев полагает, что это название указывает на местопроисхождение носителей этого имени из местности, имевшей отношение к р. Семи (Сейму), притоку р. Десны, впадающей в Днепр, протекающему по губерниям Курской и Черниговской. Ср. напр. курские названия Сейма: Сем, на Сями, за Семью. Географические названия от «Семи» находятся не только в областях по близости к Семи (напр. с. Засемье, Тимского уезда, Курской губ.), но и в стороне от Посемья. Такова слоб. Семейка на правом берегу Дона (в Острогожском уезде, Воронежской губ.)—Селищев. «Забайкал. старообрядцы», с. 69.

[9]) Из одного документа «Конторы хлеб. и перес.» видно, что месячный паек каждого взрослого переселенца составлял 1 п. 32 ф., малолетнего 36¼ фун. Кроме провианту переселенцам выдавались «недельные деньги». Размер этих выдач в документах не указан.

[10]) Эти же донесения вскрывают факт, который должен быть отмечен в истории сельского хозяйства Прибайкалья: громадное преобладание в то время посевов озимой ржи и самые незначительные посевы ярицы, тогда как в настоящее время соотношение посевов этих хлебов как раз обратное. В «ордере» Якобия прямо указывается, что ярица «по силе узаконения в дачу на семена не следует». От фамилий двух из перечисленных надзирателей—Надеина и Шарина произошли, повидимому, названия селений—Надеинского и Шарихи, (Верхний Жирим).

по Хилку у кого в оное недостающее число в продажу или под образ займа до времени на ссуду, а особливо состоящего в ведении воевод. канцелярии казенного (хлеба). Что касается овса и семени копоплянного то уже следует из Иркутска доставить".

Для осуществления всех этих предположений Якобий предписывал Налабордину „до прибытия означенных посельщиков... следовать в предписанные, по Хилку назначиваемые к поселению и складке провианта и семенного хлеба места и обще с поручиком Федоровым осмотря наиприлежнейше все те, служащие к пользе и выгодности казне и посельщикам места, назначать действительно".

Налабордину поручалось, кроме того, выяснить во время поездки на Хилок, „не имеется ли у кого из обывателей провианта в продаже, а ежели сходными ценами и не свыше 18-ти и 19-ти копеек пуд, то весь оный купить" [11]).

Далее в „ордере" заключались указания инструкционного характера относительно препровождения партий переселенцев до мест, назначенных им для поселения. „Ежели разведаете", писал Якобий, „что по сю сторону моря [12]) посельщики перейдут, то стараться, не допуская оных до Удинска, следовать туда... и по прибытии, где за наилучшее признаете, а только не проводя Удинска, разобрав оных посемейно в назначенные места, ежели возможность и беспрепятственность будет, отправлять за конвоем". Вместе с партиями посельщиков предписывалось отправлять и имеющиеся в Удинске „пахотные инструменты", если таковыми посельщики не были снабжены в Иркутске [13]).

Затем Якобий уведомлял Налабордина, что по последним известиям из Иркутска там уже закуплен хлеб семянной и на продовольствие посельщиков „указною дачею". —Очевидно, здесь имелась ввиду та часть хлебного обеспечения посельщиков, которая не могла быть пополнена местными запасами.

Лошадьми переселенцы должны были снабжаться частью из конского запаса стоявшего в Прибайкалье бывшего Якутского полка (более 300 лошадей), частью из „описных" лошадей Посольского и Троицкого монастырей (около 100 лошадей) [14]).

Заключительная часть „ордера" Якобия посвящена определению основ земельного устройства „семейских" и их повинностей по пользованию землею. Эта часть важна в том отношении, что через два года, в 1769 году, на тех же основаниях были устроены в земельном отношении и государственные крестьяне-старожилы, а за два года перед тем (в 1765 году)—бывшие служилые люди (казаки), перечисленные в сословие пашенных крестьян, а также посадские (городские жители) и разночинцы, не имевшие торгов и промыслов и занимавшиеся хлебопашеством.

Общие указания относительно водворения в Прибайкалье семейских заключались в следующем: „По приводе в назначенные места приказать геодезии подпоручику Федорову отводить под то поселение и для хлебопашества и сенных покосов с прочими принадлежащими угодьями места, однако изыскивая все к обще народной и государственной пользе способы и средства, держась прежних и вновь высочайше узаконенных правил, притом же чтоб и прежние владельцы, а паче брацкие иноверцы не могли от отобрания от них земель восчувствовать огорчения, да и в казну могли ежель что „прежде с них взыскивалось, платиться".

Далее в „ордере" были приведены те „узаконения" и „определения", на основании которых должны были устраиваться в земельном отношении прибывшие в Прибайкалье старообрядцы. Согласно 1-му пункту главы 23 Межевой инструкции 1754 года и по определению Иркутской Канцелярии предписано было „крестьян полагать во двор по четыре души, и на те четыре души давать под пашню 15, да под сенные покосы со всеми угодьями по тому-ж, итого

11) В марте 1767 г. в «пригороде Удинске» ржаная мука продавалась по 25—28 коп. пуд, сено по 3, 6 и 8 коп. пуд.—Дело 1767 г., л. 760.

12) Т. е. озера Байкал, которое в документах 18-го века почти всегда называется «морем», а Забайкалье—«Заморьем», «Заморским краем».

13) «Посельщики» все же не миновали Удинска, откуда выступили 25 февраля «за утеснением квартирами». Под их «экипаж» было дано 23 подводы и в запасах под больных—2. Конвой состоял из одного унтер-офицера и 3-х рядовых. Всего посельщиков шло «в Заганские деревни» 453 человека.—Дело 1767 г., л. 362.

14) Как известно, в 1764 году все монастырские имения были обращены в собственность государства,—«секуляризованы». Живой инвентарь имений Посольского и Троицкого монастырей был передан в заведывание высшего в то время в Прибайкалье правительственного учреждения—Селегинской Воеводской Канцелярии.

по 30 десятин [15]), и со оных взыскивать оброчного в год провианта по 60 пудов". Те же самые правила предлагалось применить и к „Урлуцкому хлебопашеству". Оброчный провиант с новопосельщиков подлежал взысканию лишь по истечении льготного шестилетнего срока.

Таковы были административно-юридические условия водворения в Прибайкалье старообрядцев семейских. Выяснению их быта на новых местах в первоначальный период жизни за Байкалом будет посвящена следующая глава.

II.

Первые сведения о поселившихся в Прибайкалье „семейских" сообщил в печати ученый академик П. С. Паллас, который в 1772 году об'езжал Забайкалье в целях изучения естественных условий этого края и между прочим побывал и в тех местностях, где незадолго перед тем водворились старообрядцы. В третьем томе своего сочинения „Путешествие по разным провинциям российского государства",—изданного сначала на немецком, затем, в 1788 году, на русском языке,—Паллас дает список селений, в которых водворились старообрядцы, с указанием числа дворов и населения в каждом из них, сообщает также некоторые сведения о хозяйственном быте семейских

В долине реки Чикоя, где поселились первые, прибывшие за Байкал, партии старообрядцев, в Урлукской слободе с принадлежащими к ней деревнями (20 селений) состояло домохозяев—старожилов 244 и новопоселенных (старообрядцев)—493, в слободе Байхорской и в деревнях ее района (12 селений)—226 старожилов и 123 новых поселян.

В районе реки Хилка в деревне Хилоцкой, или Харитоновой, было около 30 дворов, из которых ²/₃ принадлежали старообрядцам, занимавшимся здесь, кроме хлебопашества, успешным разведением гречихи и арбузов. Далее, вверх по Хилку и по впадающим в него небольшим речкам от деревни Паркиной, (состоявшей только из двух дворов), до деревни Сибильдуйской было 22 селения, в том числе деревни Мангиртуйская, Бичурская, Еланская, Красноярская, Буйская, Узкоуцкая, Зардаминская, Песчанская, Сохотойская, Малетинская, Катаевская, Кандабаевская, Кукунская, Катангарская и др.

По притоку Хилка-речке Тугную и впадающим в него речкам были расположены слобода Мухоршибирь и деревни Кокуйская, Шаралдаевская, Заганская, Харашибирская, Бурдуковская (Хонхолой) и село Никольское. В Мухоршибири было 10 дворов прежних жителей и 15—новых переселенцев, церковь и административное учреждение „расправа", в ведении которой состояла большая часть селений, расположенных по Хилку. В Шаралдае (Шарандае)—7 старых дворов и 12—польских переселенцев, в Харашибири кроме старожилов было около 50 душ новых колонистов; из них некоторые не успели еще построиться. Деревня Бурдуковская, которая уже в то время стала называться Хонхолоем, состояла из 4 старых и 24 вновь поселенных дворов. Селение Никольское было заселено преимущественно „семейскими", которые успели уже построить старообрядческую церковь.

Во всех русских селениях, расположенных в долине Хилка, считалось в то время домохозяев старожилов—450 и вновь поселенных старообрядцев—350, а всего до 800 домохозяев.

В слободе Паргабентей (Тарбагатай) было около 40 дворов и одна православная церковь—Засимо-Савватиевская, построенная в 1744 году. Из 40 дворов 10 принадлежали старообрядцам. К слободе было причислено до 20 селений с 309 коренными и 466 вновь переселенными домохозяевами. В числе этих селений были деревни Бурнашевская, Михалевская, Пестерева, Султуринская, Куйтунская, и др. В Куйтуне было 30 дворов старожильческих и 44 старообрядческих. [1])

С расселением семейских за Байкалом в общую массу русского населения Прибайкалья был внесен весьма стойкий элемент, не поддающийся инородческому влиянию и представляющий крупную экономическую силу благодаря весьма высокой трудоспособности особенно в области земледелия.

Проистекавшая отсюда тяга новых колонистов к земле, стремление приложить свои силы к возделыванию возможно боль-

[15]) Казенной меры, т. е. десятина 2400 кв. сажен.

[1]) Риттер Землеведение Азии. Восточ. Сибирь. Спб 76, с. 197—199, 208. Селищев, назв. соч. 73, 74.

шего количества неразработанных „диких“ пространств тогдашнего Прибайкалья, привело старообрядцев семейских к борьбе из-за земли как с русскими старожилами, так в особенности с инородцами Прибайкалья, главным образом с бурятами.

Как было указано в предыдущей главе, расселение семейских по Прибайкалью происходило по плану, составленному геодезии подпоручиком Федоровым. Несомненно, что при крайней малочисленности в то время в Прибайкалье специалистов-землемеров план этот был составлен в самых общих чертах, без проложения границ земельных отводов в натуре. Геодезистами указывались, притом приблизительно, урочища и угодья, расположенные вблизи селений. Освоение земель, расположенных вдали от селений, в покрытых дремучими лесами падях между хребтами, было предоставлено предприимчивости и настойчивости самих колонистов.

В процессе такого завладения землями старообрядцам неминуемо пришлось столкнуться с бурятами, кочевавшими со своим скотом почти по всему пространству тогдашнего Забайкалья, и, конечно, приведенное выше предписание руководившего расселением семейских генерала Якобия об изыскании способов к тому, чтобы „брацкие иноверцы не могли от отобрания у них земель восчувствовать огорчения“,—осталось лишь на бумаге.

Об этой борьбе из—за земли среди населения сохранилось много преданий. Одно из них передает о том, что, как только семейские пришли на место поселения в район Бичуры, у них произошло столкновение с кочевавшими там бурятами-казаками, которые произвели на них конную аттаку. Старообрядцы, вооружившись стягами, окружили себя телегами и потом из этого укрепления дали сильный отпор нападающим [2])

При расселении по долине Хилка также происходили многочисленные столкновения, при чем орудием со стороны бурят служили луки и стрелы, а со стороны семейских—пращи, посредством которых они метали в противников каменья.

С течением времени такие столкновения стали обращать на себя внимание администрации, и она начала постепенно принимать меры к их прекращению. Бурятам было предписано откочевать из районов, занятых семейскими. Впрочем враждебные отношения между семейскими и бурятами на почве земельных споров продолжались и в дальнейшем и не изжиты еще и по настоящее время.

Овладевши известным районом, старообрядцы принимались за подготовку таежных мест для земледельческой культуры: рубили вековой лес, выкорчевывали пни, поднимали целину, применяя при вспашке новое для тогдашнего Прибайкалья сельско-хозяйственное орудие—плуг вместо сохи, которой пахали старожилы, и уже одним этим вносили элемент новизны в сельско хозяйственную деятельность края.

Паллас в своем „Путешествии“ приводит некоторые сведения, характеризующие хозяйственный быт семейских в Прибайкалье. Он подчеркивает их необыкновенное трудолюбие и неутомимую борьбу с природой в обработке земли и приспособлении ее для посева. Семена для посева некоторые из них (в деревне Хилоцкой) получают от жителей Иркутской губернии по 2 пуда на каждую десятину ежегодно. Сеют ярицу, разводят по местам и арбузы (Хилоцкая). Семейские успели уже обзавестись изрядным количеством скота. Жалуются только, что сена недостает вследствие плохого роста травы (Куйтун). Холодный климат в северной части Селенгинской области, напр. в Куйтуне, лишает возможности сеять коноплю, гречиху, горох, просо, хотя сначала новые переселенцы все это сеяли. Они пытались удобрять навозом здешние гористые места для посева; но ничего не вышло: весь посев сгорел. По словам Палласа, „польские посельщики“ (семейские) по прежнему своему обычаю обертывают молодых ягнят холстом и зашивают; по утрам смачивают ягненка теплой водой и постепенно отпускают холст. Так продолжается в течение 2—4 недель. Когда шерсть довольно подросла и завилась, обертку снимают, а ягненка убивают [3])

В предыдущей главе указывалось, что семейские по переселении их за Бай-

---

[2]) Ровинский. Этнографич. исследования в Забайк. обл.—Известия Сиб. Отд. Г. О., т. III., № 3 (1872), с 128.

[3]) Селищев, назв. соч., 75.

кал находились в ближайшем заведывании плац-майора Налабордина, начальника Селенгинской „Хлебопашеств и поселения Конторы". Правда, в то время в крестьянских районах Прибайкалья были уже органы крестьянского управления, состоявшие из выборных от населения Так, во главе ведомства, обнимавшего крестьянское население данного района, стоял выборный или староста, по отдельным селениям были сельские старшины. Но роль всех этих выборных должностных лиц была подчиненная: всеми делами, относящимися к управлению и хозяйству как новых посельщиков, так и крестьян старожилов, ведало военное начальство в лице плац майора Налабардина и генерала Якобия. Соответственно нравам той эпохи их управление носило черты крепостнического строя. Среди населения сохранились предания о том, как Налабардин „приучал" хлебопашцев к труду и к лучшей обработке земли, наказывая неисправных и медлительных беспощадной поркой. В одном архивном документе 1769 года относительно деятельности Налабардина указывается, что „все оные польские посельщики по отличному в том его *старательству* и *понуждению* домашнею экономиею, как то домовым строительством и всем к домостроительству принадлежащим обзавелись" Далее отмечается, что посельщики „сколько принуждением, отчасти и сами, так сильно стараются в приумножении пахоты, что в каждой семье залогов вспахано у иных по пяти, а у других—и то последних—по четыре десятины"[4]) Повидимому в этом „принуждении", подкрепленном телесными наказаниями, и заключались те „разные изобретательные средства" к приумножению пашни, о которых писал в своем докладе Якобий (ст. выше стр. 4)

Период „Налабординского" управления крестьянами Прибайкалья закончился в 1775 году, когда в составе Иркутской губернии была образована особая Удинская провинция, обнявшая все Прибайкалье. Создание новой провинции оффицально мотивировалось между прочим теми соображениями, что за Байкалом „сильное хлебопашество размножается" и что сельское население Забайкалья значительно увеличилось благодаря переселению туда „изводимых из Польши посельщиков", т. е. старообрядцев семейских, численность которых за Байкалом, вместе с высланными туда же помещичьими людьми, достигла к 1775 году 1660 чел. м. п.

Во главе Удинской Провинции были поставлены „воевода" и его „товарищ". Удинским воеводой с 1776 года был артиллерии майор Иван Тевяшов.

Вновь учрежденной провинции и ее исполнительному органу—Удинской Провинциальной Канцелярии вменялось в обязанность „добропорядочное всего исправление, над всеми тамошними народы смотрение и всех обидимых правосудием удовольствие"[5])

Выполняя этот наказ, Провинц. Канцелярия в целях регулирования сельского управления в подведомственном ей районе выработала особую инструкцию крестьянским старостам и выборным. Эта Инструкция[6]), а также сохранившиеся архивные документы Тарбагатайской волости дают возможность составить некоторое представление об административном устройстве, хозяйственной жизни и вообще о быте Прибайкальских крестьян, в том числе и старообрядцев семейских, в последнюю четверть 18-го века.

Все крестьяне Прибайкалья разделялись на „ведомства", из которых каждое обнимало район, равнявшийся нескольким нынешним волостям. В каждом ведомстве центром управления была „Приказная Изба", содержавшаяся крестьянами всего ведомства и подчиненная Удинской Провинциальной Канцелярии. Для сбора податей и вообще „ко исправлению государственных дел" мир выбирал ежегодно в Приказную Избу старосту, выборного и сотского—„людей разумных, трезвых, знающих всю крестьянскую должность и распорядок". Приказная Изба назначала для управления во все деревни своего района „десятников".

Староста и выборный, заседавшие в Приказной Избе, собирали казенные—денежные и натуральные—сборы, распределяли между крестьянами земли, надзирали за хозяйством крестьян—„за распашкою земли и о засевании оной во время каждого хлеба и о снятии оного с полей, а с лугов—сенных покосов и чтоб

[4]) Дело 1769 л. 578.

[5]) Приложение к № 14242, Полн. Собр. Зак. 1775.

[6]) Напечатана полностью в 1-м выпуске «Известий Кафедры Прибайкальеведения» (1921 г.), с. 27 и след.

ни одного крестьянина без земли быть не могло“.

Затем староста и выборный должны были „прилежное смотрение иметь“ за поведением крестьян, чтобы они „ вели порядочную христианскую жизнь, чрез пьянство и другие мотовства не приходили в разорение и нищету“, не вступали в брак „в несовершенных летах“, не держали у себя беглых, строили дома по утвержденному плану, соблюдали в домах чистоту и т. п.

Кроме того на указанных должностных лицах, а также и на сотском лежали все дела, относящиеся к земскому хозяйству: санитарные и противопожарные мероприятия, охрана лесов, выдача нуждающимся посевного хлеба из экономического хлебозапасного магазина, надзор за отбыванием крестьянами натуральных повинностей и проч.

В области суда и расправы им было предоставлено право „ за малые погрешности сажать на несколько дней на хлеб и на воду в цепь и колодки, а для лучшего посрамления (виновных) перед народом поделать на улице против Приказных Изб по одному столбу и прибить цепь и таковых приковывать и несколько часов держать“.[7])

Этому наказанию подвергались между прочим пьяницы. Если это не имело результатов, то предписывалось „сечь пьяниц розгами при собрании мира нещадно“. В том случае, если и это не помогало, они отсылались в казенную работу.

Нещадному сечению розгами подвергались и „нерадящие о земледелии, если не во-время вспахано, посеяно или с поля снято“.

Из всех перечисленных обязанностей сельского управления правительство на самое первое место ставило надзор за исправным взносом податей и казенных сборов. Этой отрасли административной деятельности посвящена весьма значительная часть архивных документов, рисующих все те способы, посредством которых власть старалась „выбить“ из крестьян причитающиеся в казну сборы.

До 1773 года крестьяне Прибайкалья платили подушных денег по 2 р. 30 к. в год с каждой ревизской души, а за пользование казенными землями вносили в казну натуральный налог—„оброчный провиант“—по 2 пуда с десятины. В 1773 г. натуральный сбор был заменен денежным в размере 40 коп. с ревизской души в год. Таким образом казенные сборы с крестьян с указанного года взимались в сумме 2 р. 70 к. С течением времени эта сумма увеличивалась: с 1783 г. крестьяне платили с рев. души уже 3 р. 77½ коп., с 1794 г.—4 р. 8 к. Чтобы определить степень тяжести этих сборов, следует иметь в виду, что цена пуда хлеба в Прибайкалье в указанную эпоху редко превышала 50 коп., обычно державшись на уровне 16—25 к.

Но кроме этих оффициально установленных казенных податей на крестьянах Прибайкалья, как будет указано ниже, лежала масса сборов, так сказать, неоффициальных, затем—значительные натуральные повинности. Все это. вместе взятое, вело к тому, что далеко не все крестьяне имели возможность своевременно уплатить причитающиеся с них сборы и становились недоимщиками, по отношению к которым областная власть (в данном случае Удинская Провинциальная Канцелярия во главе с воеводой) устанавливала целый ряд понудительных мер, направленных к тому, чтобы заставить недоимщиков все же заплатить следуемые с них суммы.

В Провинциальную Канцелярию от крестьянских сборщиков податей поступали донесения, что „плательщики, отзываясь крайнею своею скудностью, платежа не чинят“. В ответ на это из Пров. Канцелярии посылалось грозное предупреждение, нередко и осуществлявшееся в действительности, о том, что, если подати не будут уплачены к установленному сроку, то в те Приказные Избы, в ведомстве которых числится недоимка, будут отправлены за счет старост, выборных и сотских „особливые экзекуции с таким предприятием, чтоб весь тот недобор взыскать из их имения, а в случае несостояния, то с прожиточных (т. е. зажиточных. В. Г.) старшин, с распродажею их имения, а сверх того, яко нерадивые начальники, жестоко будут наказаны“. По отношению

7) Сажание на цепь практиковалось в то время и в городах. Верхнеудин. купец Калашников, будучи «под чаркой» (т. е. пьян), нагрубил что то бургомистру (Председателю Город. Магистрата) Югову и был за это в помещении Магистрата посажен на недолгое время на цепь со стулом». Архив Верхнеудинск. Гор. Маг.—1796. г.

к той Приказной Избе, которая подушный платеж доставит скорее и исправнее, указывалось, что она „наибольше заслужит себе похвалы“[8]).

Практиковались и другие способы воздействия на „нерадивых начальников“. Если сельские плательщики не уплачивали с срок подушной недоимки, предписывалось „забирать в города старост и выборных и держать под караулом, употреблять в тяжкие годовые работы без платежа заработных и кормовых денег, доколе вся доимка заплачена не будет“. Но так как в Верхнеудинске таких работ не оказывалось, то „понудителям“ (т. е. нижним воинским чинам, отправленным в составе „экзекуции“ для сбора по уезду податей и недоимок), посылался из Удин. Пров. Канцелярии приказ „содержать тех старост с выборными закованных в целях под караулом, докуда не отправят они со своих сел подушные деньги в здешнее казначейство“. Самих неисправных плательщиков „понудители“ должны были выдерживать „безвыпускно“ в Приказной Избе, пока не уплатят недоимки. Тех из неплательщиков, которые оказывались несостоятельными, крестьянское общество отдавало в работу местным крестьянам на срок «за договорную цену» и получаемые деньги отправляло в казначейство в счет уплаты недоимки.

В других случаях недоимщиков отправляли „для зарабатывания“ на Селенгинский соляной промысел (солеваренный завод), который служил в то время местом отбывания преступниками каторжных работ. Бедственное положение этих недоимщиков на заводе обрисовано в одном рапорте Тарбагатайской Мирской Избы (1797 г.), из которого видно, что эти люди были высланы на завод, не имея одежды и продовольствия; содержатель завода купец Пахолков ничего им не давал; они едва не умирали от голоду и спаслись лишь тем, что разбежались с завода. Сообщая Верхнеудин. Нижнему Земскому Суду о невозможности розыскать беглецов, Мирская Изба указывала на то, что оставшиеся в селениях их хозяйства и семьи „приходят в крайнее разорение“. Рапорт заканчивался воплем, крайне редко встречающимся в оффициальных сухих документах: „Никак мы, старшины, управиться не можем и просим милостивого защищения“ [9])

Положение выборных старост и старшин вообще было крайне тяжелое. Как было указано выше, на них были возложены многообразные обязанности, они несли полную имущественную и личную ответственность за недоимки крестьян своего района; при этом во всех проявлениях своей административной деятельности они вечно находились под угрозой тягчайших наказаний. Так, в 1776 г. Провинциальная Канцелярия, предписывая произвести в крестьянском обществе раздел покосов („развод“), в конце своего приказа кратко отмечала, что в случае поступления жалоб на раздел „староста со старшинами плетьми наказаны будете“. То же наказание обещано было в том случае, если разбирательства земельных вопросов с бурятами будут сопровождаться прениями и шумом. В 1797 году отбывшие срок службы старшины Тарбагатайского района были отправлены в работу на Солеваренный завод в наказание за какое-то „нестарание“ (вероятно по сбору податей).[10])

Вполне понятно, что при таких условиях административной деятельности выборные должностные лица крестьянского управления вместо того, чтобы быть авторитетными представителями крестьянских общин—„мира“, превратились в простое орудие для взимания податей, в правительственных агентов, всецело подчиненных уездным полицейским учреждениям. Поэтому отнесение выборных должностей по волостному и сельскому управлению рассматривалось крестьянами как одна из тягчайших повинностей и выполнялась, как всякая повинность, в порядке строгой очереди. Личные качества и способности избираемых, степень их опытности и пригодности к хозяйственно-административной работе совершенно не принимались во внимание при выборах, что уже само по себе отражалось на ведении волостных

---

8) Тарб. арх. 1776 г. Дело № 3472.

9) Там же. Дела 1779, 1783 и 1797 г. г. Из городов посылались на Солеваренный завод несостоятельные купцы. В 1797 г. туда был препровожден «несостоятельный к платежу кредиторам Верхнеудинский купец Васильев в работу для зарабатывания состоящего на нем долгу». Архив Верхнеуд. Город. Магистрата 1797 г. № 3414. Делалось это на основании закона 19 июля 1736 г. об отдаче несостоятельных должников в заработок частным лицам из платы 24 рубля в год или об употреблении в публичную работу с платой 12 руб. в год.

10) Тарб. архив, дела 1776, 1779 и 1797 г.г.

и сельских дел самым отрицательным образом.

Этот очередной порядок отнесения общественных служб, возникший в условиях исторической жизни крестьянства, сохранился, как известно, и по настоящее время.

Еще более тяжелыми, чем казенные денежные сборы, были для прибайкальского крестьянства различные натуральные повинности. Из них по своей тяжести особенно выделялась подводная повинность. Архивные документы изобилуют сведениями, рисующими этот „угнетающий жребий", как названа подводная повинность крестьянами селения Ключевского в одном документе 1803 г.

Крестьяне должны были выставлять подводы для транспортирования различных казенных грузов: какой-то „секретной казны", „ревенной казны"—лекарственного растения ревеня, покупка и продажа которого в то время являлась казенной монополией, „серебряной казны"—серебра, перевозившегося через Прибайкалье из Нерчинских заводов в Петербург, и проч. Так, в 1776 г. крестьянами Тарбагатайского ведомства под перевозку этих казенных грузов было выставлено 205 подвод.

Каждый проезд губернатора или другого чиновника, не очень низкого ранга, ложился также тяжелым бременем на бюджет местного населения, главным образом—крестьянства. В 1776 г. за Байкал приезжал для обозрения края Иркутский губернатор Немцев*). При этом в передний путь он ехал на 110 подводах, а в обратный—уже на 155, так что крестьянам Тарбагатайского ведомства пришлось в этом случае выставить 265 подвод. Спустя четыре года другой иркутский губернатор—Кличка обозревал Забайкалье уже в менее пышной процессии—лишь на 69 подводах.

В 1797 году селение Куйтун посетил некий комиссар Черницын. Он потребовал от общества 30 лошадей для свозки сена. Куйтунцы обратились в Тарбагатайскую Мирскую Избу, при чем указывали, что распоряжению комиссара они „неотпорны" (т. е. не отказываются его выполнить), только доводят до сведения Мирской Избы, что в бытность Черницына в Куйтуне „согнано под него 40 лошадей, в город согнано 30 лошадей, людей в работе происходило 93 человека". Куйтунцы желали в отнесении этой повинности „поверстаться" с другими селениями. Из этого же документа видно, что Черницын ехал из Новой Бряни до Куйтуна на 60-ти лошадях*)

Но все эти начальственные поездки затмил собою проезд через Прибайкалье в Китай в 1805 году посольства графа Головкина. В этом случае населением было выставлено на каждой станции по 500 лошадей.**)

Тяжесть подводной повинности увеличивалась тем, что наряженные подводы стояли в ожидании проезда начальства наготове целыми днями и даже неделями. В начале июля 1776 г. Удин. Пров. Канцелярия писала Тарбагат. Приказной Избе: „В рассуждение долговременного неприбытия сюда статского советника и Нерчинских сереброплавящих заводов главного командира Нарышкина***) здесь высланных из Тарбагатайского ведомства с подводами крестьян проживания, от чего они, отлучившись от домом своих, в нынешнее работное время домовой экономии и земледелия лишаются, чего для те крестьяне с подводами просили, чтоб отпустить в домы их, то для того на места их имеет Тарбагат. Прик. Изба, толикое число нарядя, других выслать сюда, ныне стоящих сменить немедленно".

Кроме гоньбы, на крестьян возложены были также сплав казенных грузов по р. Селенге, исправление дорог и мостов, доставка дров в пограничные крепости и проч.

Тяжелой была повинность, заключавшаяся в розысках, поимке и конвоировании преступников, в особенности беглых с Солеваренного и Петровского заводов.

---

*) Для характеристики его губернаторской деятельности можно привести тот факт, что Немцев, имея знакомство с известным тогда разбойником Гондюхиным, организовал в Иркутске какую то «глухую команду», которая, разъезжая по городу дозором, вместо охраны производила буйства и грабежи.—Щеглов. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири, стр. 301, 302.

*) Тарб. архив, 1776, 1780 и 1797 г.г.

**) Вся посольская свита состояла из 242 человек. Багаж посольства весил 6286 пудов.—Вагин. „Посольство гр. Головкина в Китай». Изв. Спб. Отд. Геогр. Об-ва, т. III, № 3, стр. 135, 179.

***) Это тот самый Нарышкин, который из-за соперничества во власти предпринял военный поход против Иркутского губернатора Немцева. См. Краткий истор. очерк Прибайкалья, помещенный в Прибайкальском календаре на 1922 год, с. 65.

Обычно ранней весной Пров. Канцелярия рассылала по всем Приказным Избам распоряжения, в которых, указывая на то, что „наступает весеннее время, в кое ссыльные рабочие с заводов бывают к побегам склонны“, предписывала организовать по селениям караулы и представлять задержанных беглых в город, не давая им никакого пристанища или на пищу хлеба.

С наступлением лета побеги с заводов принимали массовый характер. Беглецы большими группами скрывались в лесистых хребтах, производя оттуда набеги на деревни для добывания продовольствия. В пресечение этого Провинц. Канцелярия издавала ряд приказов, в которых доводила до сведения населения о том, что всякий укрывающий беглых, „как презритель законов и злодей своей собратии“, непременно наказан будет кнутом и сослан в те самые заводы, откуда бежали укрывавшиеся у него ссыльные.

Особенно страдали и от подводной повинности и от обязанности конвоировать беглых селения, расположенные вблизи Петровского Завода. „Мы от Петровского завода совсем разоряемся», писали в 1809 году крестьяне села Харауз: „от препровождения с казною, от провоза господ чиновников и комиссионеров и от препровождения бежавших ссыльных... Работ работать за ними некогда... Другие селения когда челдонов*) 5 человек и они провожать дают 2-х, а с нашего села до заводу от нас провожатых берут казаки 10 и 15 чел., потому что место лесное и дальнее и боятся, что другие беглые отобьют. Из того получаем мы через их, беглых, многое телесное наказание“.**)

В дополнение ко всем вышеперечисленным сборам и натуральным повинностям на крестьянский бюджет ложились еще многочисленные, так сказать, нелегальные, но крепко укоренившиеся в условиях российской, в особенности сибирской, действительности, платежи и сборы. Это взятки чиновничеству, „халтура“ по народному выражению. При отсутствии рационально организованного и независимого суда, при полном произволе администрации взятка являлась для населения единственным средством защитить некоторые стороны жизни от чрезмерного давления и начальственных вторжений.

Кяхтинский купец П. Баснин, ведший в конце 18-го века в Прибайкалье обширные коммерческие дела, передает в своих записках одну из своих бесед с тарбагатайцами. Баснин стал расспрашивать тарбагатайцев, каким образом они сумели оградить себя от произвола и хищнического хозяйничанья исправников, и получил на это такой ответ: «мы начальство на откупу держим, платим халтуру исправно, а потому никого не боимся“.*)

Архивные материалы свидетельствуют о том, что ответ тарбагатайцев Баснину вполне соответствовал действительности.

Поднесение взяток начальству было настолько обычным явлением, что о них просто и открыто говорилось в документах оффициального характера.

Когда возникала настоятельная необходимость поддержать реально какую нибудь „просьбу“, крестьянское общество составляло приговор о том, чтобы собрать известное количество муки или других продуктов и собранное „отдать в поклон“. В приговоре обстоятельно указывалось, какое количество продукта должно быть собрано с каждой души, каким должностным лицам (имя рек) и по скольку каждому следовало отдать. Обществом избирался особый доверенный, который должен был собранное увезти в город и распределить там по адресатам. В некоторых случаях доверенные писали обществу об исполнении возложенного на них поручения и—попутно—о своих хождениях по уездным учреждениям. Один из таких доверенных в 1798 году сообщал между прочим следующее: „В Нижнем Земском Суде (тогдашнее уездное полицейское управление) персонально мне от господина Павлинова (секретаря) сказано, что „сухая ложка рот дерет“... Будучи я у г-на Комиссара, изволила выговорить его сожительница, чтоб вашего общества староста старанием прислал бы ягод одно или два ведра, за что заслуживать обязуется... При сем же прошу меня не

*) Так названы бежавшие ссыльные.

**) Тарбаг. Архив, 1779, 1803, 1809 г. г.

*) Баснин. Из прошлого Сибири. «Историч. Вестник» 1902 г., № 11, стр. 563.

оставить в деньгах, потому что обстоит важное дело общественное и без оных, как вы сами известны, по присутственным местам обойтиться никак невозможно".

Мирская Изба нередко получала из города письма, в которых тот или иной уездный чиновник просил „снабдить его с'естными припасами к празднику", при чем заверял: „а я для вас, сколько сил моих будет, стану непременно стараться".

Но бывали случаи, когда крестьяне, выведенные из терпения произволом, злоупотреблениями и алчностью начальствующих лиц, не стеснялись открыто выявить свое отрицательное к ним отношение. В 1797 г. провиант-комиссар Седых, пользовавшийся своим служебным положением для выгодного арендования различных казенно-оброчных статей, главным образом—рыбных ловель на Байкале и по Селенге, сумел путем разных махинаций получить в аренду одну рыболовную статью, которую заарендовали тарбагатайцы и на которую они получили уже соответствующий указ. На этой почве между Седых и тарбагатайцами в Тарбагатайской Мирской Избе произошел, как говорится, „крупный разговор". В своем донесении об этом инциденте Седых сообщал, что после того, как он явился в Мирскую Избу, собравшиеся там крестьяне хотели провиант-комиссара „садить в цепь", угрожали „отвезти его в город в вилах и бить стягом". Один из крестьян, бывших на сходе, укорял Седых, что тот „имеет пуговишную душу". „Единогласно кричали крестьяне в Мирской избе в один голос", писал далее Седых, „что они поступают по первому от суда указу, а потом присланных двух не слушают и пошлют с 30-ю рублями в Иркутской тягаться крестьянина Асташева и так крестьяне меня купят и продадут, а головы я своей добром не сношу, что в обществе 1000 душ"...

Другое должностное лицо—заседателя Шелопугина крестьяне селения Куналей „обносили вредительными словами"*).

Выше мы рассмотрели, так сказать, расходную часть крестьянского хозяйства. Обращаемся к его приходной части.

*) Тарб. архив. Дело 1797 и 1798 г. г.

Основой хозяйства поселившихся в Прибайкалье старообрядцев-семейских сделалось земледелие, при чем в эту отрасль сельско-хозяйственной деятельности они внесли невиданный до этого времени в Прибайкалье размах и высокую степень трудоспособности, благодаря чему Прибайкалье к началу 19-го века сделалось наиболее хлебородным районом Восточной Сибири.

В 1808 г. Иркутский губернатор Трескин в изданном им „Положении о распространении хлебопашества в Иркутской губернии" так характеризовал земледелие семейских Прибайкалья: „Пример редкого трудолюбия и прилежания к хлебопашеству подают поселенные в Верхнеудинском уезде старообрядцы. Они поселены лет за 40 на местах песчаных и каменистых, где даже не предвиделось возможности к земледелию, но неусыпное трудолюбие их и согласие сделало, так сказать, и камень плодородным. Ныне у них лучшие пашни, и их хлебопашество составляет им не токмо изобильное содержание, но есть главнейшая подпора Верхнеудинского и Нерчинского уездов. Начальство долгом считает обвестить по всей губернии редкое прилежание, трудолюбие и общеполезность крестьян-старообрядцев Верхнеудинского уезда—Мухоршибирской, Куналейской и Урлуцкой вол. и из'явить им за то совершенную свою признательность". *)

Так как правительство считало сибирские земли принадлежащими государству, то сибирские крестьяне, в том числе и старообрядцы Прибайкалья, наделялись землею лишь с правом владения и пользования, но не с правом собственности на нее. Норма наделения семейских была указана выше, в главе 1-й (см. стр. 6 и 7). В районе каждого селения разверстка земель между отдельными хозяйствами производилась самим «миром», исполнительными органами которого в этом случае были старосты, старшины и выборные. По мере того, как с ростом населения уменьшалась степень обеспеченности различными угодьями,—постепенно развивалось общинно-уравнительное начало в землепользова-

---

**) Архив бывш. Баргузинской Степной Думы. Дело 1808 г. № 11

нии. Раньше всего уравнительным переделам стали подвергаться покосные угодья, которых в районе, занятом семейскими, было очень незначительное количество. Затем уравнительное землепользование стало распространяться и на пашни, в особенности расположенные вблизи селений (присельные) на открытых местах. В совершенно ином положении находились пашни, расчищенные отдельными домохозяевами из-под леса. Эти „расчистки" считались как бы личною собственностью того, кто вложил в них труд по расчистке: они продавались «на-вечно", передавались в дар, завещались по наследству и т. п. Из сохранившихся в архивных делах духовного завещания одного крестьянина с. Надеинского (1813 г.) видно, что у завещателя было до 60 десятин расчищенных им изпод леса пашен, каковые он завещал своим сыну и зятю.

Все увеличивавшееся, с ростом населения, малоземелье начало ощущаться земледельческим населением старообрядческого района уже в начале XIX века. В 1803 году сельский староста Тарбагатайской слободы писал Мухоршибирскому волостному правлению: „У нас в селении озимовых совсем нету, а равно и яровых вновь к разрабатыванию не имеется, и прежние жители вновь разрабатывают старые залежи, а покосов на состоящих по нынешней пятой ревизии в число душ имеется большой недостаток". Признаком „земельного утеснения" являлись земельные споры между отдельными селениями. В 1816 году начался земельный спор между куйтунцами и куналейцами с одной стороны, и пестеревцами—с другой. Пестеревцы по полученному из Земского Суда приказу отобрали у куйтунцев и куналейцев хлебопахатные земли „лесовые и степные" до 100 десятин, которыми те владели „по приходу из польской границы не менее 60 ти лет" и к которым пестеревцы «никогда не вникались".

В связи с малоземельем среди населения обнаруживается стремление к переселению в другие места Прибайкалья. В 1813 году в Верхнеудинский Земский Суд поступило прошение от 4-х домохозяев—крестьян с. Десятниковского. В этом прошении подписавшие его указывали, что „год от году они от размножения семейств претерпевают ощутительный недостаток по крестьянскому званию в землях. По разделу общества от умеренных участков, достающихся на семейства, и от малой поставки сена, бывает в скоте их каждогодно ущерб и через то самое несут совершенно невозвратные убытки". Поэтому просители, „дабы не довесть им свои семейства до крайнего разорения и не быть несостоятельными в платеже государственных податей, изыскивая себе способы к общественной пользе," ходатайствовали о разрешении им переселиться „на изысканное ими место, выгодное для крестьянских угодий, лежащее от г. Селенгинска выше, близ Поворотной станции".

Неравномерность в землепользовании была в некоторых случаях результатом уже значительно развившегося в ту эпоху экономического расслоения крестьянства. В 1814 г. Верхнеудинский исправник Геденштром констатировал, что в Урлуцкой слободе и в других местах южного Прибайкалья „зажиточные огораживают в общественном выпуске несоразмерное количество земли, превращая оные в покосы, в крайнее утеснение прочим крестьянам". Поэтому было предписано, 1) „чтобы общественный скотский выпуск был загорожен кругом от пашен такой же общественной городьбою по числу скота каждым жителем; 2) все внутри выпуска загороженные крестьянами под покосы места, хотя и оправдываемые притворно под видом какого-либо крестьянину нужного заведения, отделить паки в общественный выпуск и городьбы таковым разломать».

Споры из-за земель с бурятами также не прекращались, хотя и утратили тот острый характер, какой они носили в период расселения семейских по Прибайкалью. В архивных документах из году в год встречаются жалобы крестьян на прикочевание бурят в крестьянские районы. В 1779 году Тарбагатайская Приказная Изба доносила Удин. Пров. Канцелярии: „по близности хлебопахотных поль, тож и на полях стоят без всякого повеления брацкие с юртами и табунами и озимовые хлеба теми табунами травят и выбивают копытами, отчего хлебные неурожаи бывают". Спустя почти 20 лет, в 1798 году, те же жалобы: „кочующие братские стоят на пашнях и покосах, великие делают обиды, травят озими своим скотом и баранами и табунами, на покосах портят

покосы назьмом, костями и жгут остожья, но никак согнать не можно".—Любопытно, что в числе прикочевавших в Тарбагатайский район указываются брацкие **Баргузинской округи и пограничные казаки.** Этот факт свидетельствовал о том, что та стадия кочевого быта прибайкальских инородцев, когда территорией их кочевок служило все Прибайкалье, далеко еще не была изжита.*)

Изложенное выше приводит к выводу, что к концу 18-го века в районе Прибайкалья, занятом семейскими, значительная часть пространств, пригодных к культуре, была уже введена в сельско-хозяйственный оборот.

Результатом этого была выдающяся продукция района, доставившая ему известность по всей Восточной Сибири, как об этом свидетельствует приведенная выше декларация Трескина. К двадцатым годам 19 века Верхнеудинский уезд выпускал ежегодно на рынок около 500 тысяч пудов хлеба.

Но реализация — превращение в деньги—полученных сельско-хозяйственных продуктов сопровождалась некоторыми особенностями, которые характеризуют экономический быт Восточной Сибири в описываемую эпоху.

Общепринято мнение, что в историческом прошлом Сибири в области торгово-экономических отношений царила свобода оборота, а регламентация и регулирование торговли, которыми характеризуются некоторые периоды переживаемой ныне революционой эпохи, ранее не имели места.

Но документальные данные, относящиеся как раз к старообрядческому району Прибайкалья, говорят о том, что продажа хлеба крестьянами в конце 18-го и в начале 19-го века часто подвергалась регламентации и свободный экономический оборот при хлебной купле продаже был значительно сужен.

Так, неоднократно издавались приказы, запрещавшие крестьянам продавать хлеб некоторым категориям покупателей.

*) Тарб. Архив, 1779, 1798, 1814 г. г.

В 1779 г. Удинск. Пров. Канцелярия предписала, чтобы «хлебопашцы закупщикам подрячика Иркутского купца Солдатова **и прочим, кто закупать будет,** отнюдь продажи своего провианта не чинили, а также и Селенгинскому Комиссарству".—Позднее, в начале 19 века, Восточная Сибирь была разделена на районы, в каждом из которых могли производить закупки хлеба лишь определенные ведомства. В 1805 году состоялся указ, по которому в целях обеспечения Нерчинских заводов двухгодичным запасом хлеба Верхнеудинский уезд по правую сторону течения р. Селенги от впадения в нее Хилка до самого Байкала, включая и селение Куналейское, был предоставлен исключительно для продовольствия Нерчинских заводов. Закуп хлеба для прочих казенных надобностей был в этом районе запрещен.

Все эти мероприятия ставили казну в положение монопольного покупателя, диктовавшего хлебному рынку свои цены. Закуп хлеба в казну производился чиновниками-комиссионерами, исправниками, заседателями и т. п. Что крестьяне при продаже своего хлеба не были свободной договаривающейся стороной, видно из одного характерного приказа Верхнеудинского исправника Геденштрома выборному селения Пестеревского (октябрь 1814 года): „Предписывается тебе в ту же самую минуту собрав ведения твоего всех крестьян известить, чтоб они вообще с тобой явились утре до свету для продажи хлеба в Тарбагатайскую слободу, все без из'ятия". *)

Введенная с благою целью обеспечить казне покупку необходимого ей количества хлеба и пресечь спекуляцию со стороны купечества, эта хлебная монополия в руках корыстолюбивого и жадного чиновничества превратилась в целую систему грандиозного мошенничества и огромных злоупотреблений администрации.

Вполне естественно, что на этой почве произошла продолжительная, длившаяся около двух десятилетий борьба между бюрократией и восточно-сибирским купечеством, которое считало хлебную торговлю

*) Тарб. архив, Дела 1779 и 1809 г. г.; Дело выборного с. Пестеревского, 1814 г.

исключительно своим делом. В 1800 году по распоряжению Иркутского военного губернатора Леццано у купцов был реквизирован в казну хлеб, закупленный ими у крестьян. Администрация стала покупать хлеб сама по установленным ею „твердым" ценам. Под влиянием таких мероприятий подвоз хлеба в города прекратился. Тогда Леццано предложил Губернскому Правлению „обратить в казну" по установленной цене все имеющиеся у крестьян излишки хлеба, кроме необходимого количества на посев. В результате была произведена, по выражению самого Леццано, „принужденная продажа хлеба, вынудительный отбор его от поселян".

Класс торговцев был также подвергнут принудительным мерам: они должны были продавать продукты первой необходимости тоже по твердым ценам. Из Иркутских мясопромышленников 13 человек, принадлежавших к сословию мещан и цеховых, за несогласие продавать мясо по установленной администрацией цене—3 копейки за фунт—были высечены розгами, а трое, „в гильдии записанные" (т. е. купцы) были наказаны в смирительном доме „работою кирпичей". *)

Эта система казенной хлебной монополии, тесно переплетавшаяся с чиновничьими злоупотреблениями, достигла своего высшего развития при Сибирском генерал-губернаторе Пестеле и Иркутском гражданском губернаторе Трескине.

По плану, разработанному Трескиным, дело было поставлено следующим образом. Донесения центральной власти изображали Иркутскую губернию все время в состоянии неурожая хлебов. Из этой идеи постоянного неурожая проистекала необходимость заготовления громадных количеств хлеба для городских запасных магазинов. Закуп хлеба производился посылаемыми Трескиным по хлебородным уездам Иркутской губернии,—в том числе и Верхнеудинскому,—чиновниками, которые покупали хлеб у крестьян по высоким, установленным администрацией ценам. При продаже хлеба крестьянские общества составляли приговора с указанием, сколько хлеба продано и по какой цене. Но из обозначенной в приговоре цены крестьяне получали только незначительную часть; все остальное шло в карманы чиновников.

Результатом таких операций, помимо разорительности их для крестьян, был огромный ущерб и для казенного хозяйства Восточной Сибири. Идея постоянного неурожая логически вела за собой остановку винокурения и винной торговли, доставлявших казне всегда большие доходы. Винные откупщики разорялись и не имели возможности уплачивать в казну откупные суммы.*)

Такое положение дел, особенно в связи с разнузданным произволом Пестеля и Трескина в управлении Иркутской губернией, с их беспощадными преследованиями неугодных им лиц, не могло не обратить внимания центральной власти. В столицу поступало из Иркутска множество жалоб, не смотря на то, что Трескин принимал все меры к тому, чтобы перехватывать эти жалобы на месте, а Пестель, живший в Петербурге в течение почти всего периода своего генерал-губернаторства, „тушил" иркутские жалобы в высших правительственных учреждениях.

Характерно, что в числе жалобщиков выступил и тогдашний иркутский архиерей Михаил (Бурдуков). Он написал министру духовных дел и народного просвещения, что, хотя лично ничего не терпит от губернатора, но страждет ежедневно „в растерзываемой как бы волками пастве своей, коей непрерывный вопль проницает и сквозь толстые стены архиерейского дома", и далее прибавлял: „нечестие и бесстыдное притворство; дерзость и самонадеянность с деспотизмом; презрение к людям и страданиям их; выбор и отличие чиновников, деятельных только в разорении поселян, особливо бурят; система набогащать себя и во всем монополия—сии черты отличают здешнее правительство от внутренних губерний России!" **).

*) Рапорт Леццано Александру I-му 1802 г. Сборник газеты «Сибирь» т. I. Спб. 76, стр. 462 и след.; «Иркутская Летопись» (Пежемского и Кротова). Ирк. 1911 г. с. 173.

*) *Вагин.* «Истор: сведения о деятельности графа Сперанского в Сибири» Спб. 72, т. I, с. 335, 336; *Калашников.* Записки Иркутского жителя «Русская Старина», 1905 г. № 7. *Вагин.* Вост. Сибирь в начале XIX века.—«Сибир. Летопись» 1916 г. № 11—12, с. 535.

**) *Корф.* Жизнь графа Сперанского Спб. 61, т. II, 170.

„Система" Трескина-Пестеля окончилась полным ее крушением. В 1819 году на должность сибирского генерал-губернатора был назначен Сперанский, которому поручалось исправить в Сибири все, что будет возможно, и обличить лица, предающиеся злоупотреблениям, предав, кого нужно, законному суждению.

Пестель, Трескин и множество сибирских чиновников, прикосновенных к „системе", были отрешены от должностей и преданы суду. Одна из следственных комиссий была учреждена и в Верхнеудинске, в уезде которого злоупотребления особенно развились.

Следственная комиссия установила в Тарбагатайской и Мухоршибирской волостях—неправильные сборы с населения, закуп в казну хлеба принудительной раскладкой, недодачу денег за купленный у крестьян хлеб, безвременные наряды к исправлению дорог.... Ряд злоупотреблений должностных лиц был констатирован и по отношению к хоринским бурятам.

В числе привлеченных к суду был и Верхнеудинский исправник Геденштром, тот самый, который, принимая деятельное участие в покупках хлеба для казны, вызывал, как было указано выше, крестьян для торгов в волость «до свету» и непременно целым селом. Геденштрому вменялось в вину: 1) участие в действиях губернатора (Трескина) по хлебным закупам; 2) участие в неправильном распоряжении при покупке в казну белки; 3) несправедливый поступок с хоринским главным тайшею и 4) незаконные поборы и недодача продавцам денег при покупке хлеба на казенные надобности.

Кроме исправника, по Верхнеудинскому уезду были привлечены к суду два заседателя Земского Суда (полиции), Верхнеуд. городничий, уездный стряпчий (блюститель „законности в уезде), Уездный казначей и др. чиновники *).

Не смотря на то, что много дел по сибирским злоупотреблениям Сперанский разрешил сам, все-таки он должен был предать суду двух губернаторов, 48 чиновников; всего же замешанных в злоупотреблениях насчитывалось 681 чел. Убытки, которые понесла от этих злоупотреблений казна, доходили до 2 миллионов 847 тысяч рублей—сумма огромная по тому времени.

С приездом Сперанского произошел и крупный перелом в экономической политике краевой администрации. Вместо регламентации и регулирования торговых отношений—в Сибири была введена свободная внутренняя торговля. В изданных Сперанским в 1814 году „Подтвердительных правилах о свободе внутренней торговли" между прочим устанавливалось, что никто не должен воспрещать привоза сельских произведений и продажи оных в городах и селениях добровольными ценами. Только чиновникам строго воспрещалось производить торговлю с ясашными, под каким бы названием или предлогом она не происходила. Прежний порядок заготовления хлеба для казенных потребностей закупкою его через исправников и заседателей был отменен. Эта заготовка должна была производиться с торгов подрядами на общих правилах. *)

По жалобам крестьян Верхнеудинского уезда Сперанским были отменены также некоторые распоряжения Трескина, относящиеся к мелочной регламентации крестьянского быта. Таковы были, например, обязательная планировка домов в селениях,—при чем выдающиеся за линию улицы части домов должны были отпиливаться,—приказ о сооружении над колодцами вместо столбов с длинными очепами („журавцами") колеса и т. п. Отменено было старое распоряжение Иркутской Губернской канцелярии (1772 г.) „всем крестьянам, кто в земледелии обращается, дабы до окончания всей страды с мая по октябрь ни с какими просьбами в город не отлучались и обращались бы в земледелии безленостно». **)

Но и после Сперанского общий крепостнический уклад быта крестьян Прибайкалья остался в прежнем виде.

Таковы были главные черты и условия экономической и правовой жизни

*) Вагин, назв. соч., т. I. Прилож., стр. 647 и след.

*) Тарбаг. архив, 1819 г.
**) Там же, 1779 г.

старообрядцев семейских в первые полвека пребывания их в Прибайкалье.

Что касается религиозной жизни прибайкальских старообрядцев, то сведения о ней, относящиеся к концу 18-го и началу 19-го века, довольно скудны. Описываемый период был временем, когда правительство относилось к старообрядцам терпимо и их религиозная жизнь могла развиваться сравнительно свободно. Но и в то время уже началось вмешательство администрации в эту жизнь, выражаясь в форме преследования старообрядческих священников, так называемых „беглых попов".

В эпоху расселения старообрядцев-семейских по Прибайкалью среди них существовал только один толк—поповщинский. Исправителями таинств и духовниками у старообрядцев этого толка были священники, получившие священство от православных архиереев, но потом оставившие синодальное православие. Перейдя в старообрядчество, эти священники получали „исправу". то есть, «перемазание» мυром в старообрядческих монастырях, расположенных по р. Иргизу (в Саратовской губернии),*) и рассылались оттуда по старообрядческим районам всей России, в том числе и в Прибайкалье.

В 1798 году Иркутская духовная консистория просила Иркутск. Губернское правление «о сыску появившихся у раскольников раскольнической секты приехавших трех человек, производивших служение в часовне, мирские требы и венчание Куйтунской слободы раскольника Михаила Ларионова". Предписывалось этих трех человек сыскать и прислать в Верхнеудинский Земский Суд «за караулом». **)

В целях расслоения старообрядчества и привлечения его в лоно православной церкви правительством в 1800 году было учреждено так называемое единоверие. Единоверцы соглашались признать иерархию и догматы православной (синодальной) церкви, а взамен получали духовенство, обязывавшееся совершать богослужение по старым обрядам.

*) Иргизские монастыри были основаны старообрядцами, возвратившимися из-за границы, как и прибайкальские старообрядцы, по приглашению Екатерины II й.

**) Тарб. архив, 1798 г.

Единоверие вскоре по его возникновении появилось и в Прибайкалье. Архивные данные указывают, что уже в 1803 году в с. Шералдайском была единоверческая церковь (Архистратига Михаила) со священником при ней Ильей Мурашевым. Единоверческие группы образовались в ту эпоху также в Бичуре, Никольском, Куйтуне, Надеиной и Тарбагатае.

Местные духовные и светские власти оказывали единоверию свое покровительство. Так, Иркутский архиерей Вениамин (Багрянский) пожертвовал для Шералдайской единоверческой церкви колокол, а Верхнеудинский Земский Суд по ходатайству Мурашева предписал селениям «непременно удовольствовать священника М. ругою».

Этот последний факт—обращение Мурашева для получения руги за содействием к полицейской власти—свидетельствует о том, что авторитет единоверческих священников у их паствы стоял не очень высоко...*)

В 1812 году по распоряжению Иркутской губернской власти в Мухоршибирской и Куналейской волостях начались розыски беглого попа Ивана Петрова. Сохранившееся архивное дело о Петрове вскрывает много бытовых черт, характеризующих жизнь прибайкальского старообрядчества.

Согласно распоряжению о розыске Петрова волостные выборные об'ехали селения подведомственных им волостей и „в каждом доме чинили обыск", но Петрова не нашли. Все старообрядческие селения представили подписки, в которых удостоверяли, что Петрова у них нет. Но Земский Суд не поверил этому и утверждал, что „волостные головы, быв сами старообрядцы, участвуют в сокрытии Петрова». Волостным и сельским должностным лицам предписывалось при этом «внушать старообрядцам, что они могут просить себе священника от иркутского преосвященного и, наверное, просьба их в том будет удовлетворена".

Таким образом администрация пользовалась всяким случаем для пропаганды единоверия среди населения.

*) Тарб. архив, 1803 г.

В 1813 году некоторые из старообрядцев заявили исправнику, что „выдать того Петрова в светские руки они почитают для себя тягчайшим грехом» и просили разрешения отправить Петрова им самим в тот монастырь (на Иргизе), из которого он был привезен. Иркутское правительство согласилось на это, но с тем условием, чтобы Петров во время пути в каждом городе „был пред'являем полиции".

Однако от'езд Петрова почему-то не состоялся, и Верхнеудинский исправник, совершивший специальную поездку „за отысканием попа", выяснил, что Петров все еще „укрывается в разных селениях Мухоршибирской волости, а более всего в Куналейской слободе, с такою осторожностью, что никак не можно узнать дому, в котором он квартирует». Получивши рапорт о поездке исправника, Иркутское губернское правительство распорядилось отрешить от должности всех волостных голов и сельских старшин Мухоршибирской и Куналейской волостей „за упорство и неповиновение в выдаче беглого попа".

Но и это не помогло делу, и Земскому Суду приходилось к своей великой досаде признать, что Петров „укрывается видно еще в Мухоршибирской волости между старообрядцами, кои неуповательно, чтобы сами по себе по закоснелому упрямству к выдаче его могли согласиться". В то же время с мест от сельских старшин поступали рапорты, что в селениях „беглого попа Петрова не токмо в виде, но и в слухах нигде не имеется".

Петров так и не был разыскан, и только в 1814 г. администрация узнала, что он умер в Бичуре. Тогда старообрядцам было поставлено в вину, кроме укрывательства Петрова, также и «преждевременное погребение его без анатомического свидетельства". Труп Петрова был вырыт из земли и анатомирован.

Дело по обвинению старообрядцев было рассмотрено в Иркутской Палате Уголовного Суда. В судебном решении по этому делу указывалось „что хотя виновные подлежали телесному наказанию, но так как преступление их продолжалось из единой закоснелости их к старообрядческой вере, почитаемой правою, и по оной же пустились они к преждевременному погребению Петрова без анатомического свидетельства, почитая за великий грех иметь тело на поверхности, то постановлено сделать им внушение с предупреждением, что, если это повторится, то „сошлются они, как вредные в обществе, в ссылку".

Более строгому наказанию по этому делу подверглись почему-то сторож и трапезник Куналейской старообрядческой церкви. Первый из них „за упрямство" был присужден „к выдержанию в крепях" (кандалах) и „к наказанию лозами", а второй только к содержанию в крепях.*)

Все приведенные выше факты вторжения администрации в религиозную жизнь старообрядцев были предвестниками эпохи гонений, обрушившихся на старообрядчество при Николае I-м и нашедших свое отражение и в Прибайкалье.

Вл. Гирченко.

---

*) Тарб. архив, дело 1812 г. № 139 « о старообрядческом попе Петрове.

3020

Верхнеудинск, тип. Об'единенного Прибайкальского Союза Кооперативов. 22.